

Семинар «Активные процессы в русской лексике»

Семантический потенциал слова и семантическая валентность в свете глубинных процессов в лексической системе языка

Н. А. Аксарина

ГОУ ВПО «Тюменский государственный университет»

natalja-aksarina@rambler.ru

Семантический потенциал, семантическая валентность, семантический процесс

Summary. The report is devoted to the problem of transformations in semantic connection.

1. Современные исследования в области активных языковых процессов убеждают лингвистов в глобальном и глубинном характере трансформаций, вызываемых действиями этих процессов на лексическом уровне. Новые для общества условия мультимедиакоммуникации и высокая активность информационного обмена требуют от носителей языка форсированного пополнения лексикона, способного одинаково продуктивно обслуживать общение во многих сферах. Следствием этого становится стремительное увеличение фонда универсальных слов, в равной мере удобных в бытовой, деловой и массовой коммуникации. Важно, что основным способом пополнения этого фонда становится не появление новых слов, а расширение и универсализация семантической валентности уже имеющейся активной лексики.

До недавнего времени научные наблюдения за изменениями в семантической валентности слова показывали, что обычно валентность расширяется в том случае, если возрастает семантический потенциал слова (например, за счет семного заимствования), что приводит к усложнению и — довольно часто — к последующему расщеплению понятия. Так, например, в конце 80-х — начале 90-х годов XX века изменилась валентность слов *аритмия*, *коллапс*, *кома*, *инъекция*, *реанимация* и некоторых других. Участвующее употребление названных слов в метафорических контекстах привело к появлению в их семном составе периферийных компонентов «общественное», «экономическое», «политическое», чем, в свою очередь, обуславливается позднее появившаяся уже не в публицистической, а в официальной речи валентность (*предотвратить*) *коллапс экономики*, *аритмия в работе местных органов государственных власти* и пр. В то же время компонент «медицинское» отчасти деактуализировался (данные опроса студентов-журналистов показывают, например, что вторичные значения этих слов нередко воспринимаются как основные: опрошенные помещают исследуемые слова в контексты, реализующие именно эти значения, и относят их в тематическую группу «общественно-политическое»).

Другой причиной расширения валентности может быть регулярная — в соответствии с коммуникативными потребностями носителей языка — экспликация в речи периферийных (имплицитных) компонентов значения. Например, в словах *квота* и *лимитированный* ранее имплицитный компонент «относящийся к человеку, к группе людей» в ставших регулярными официальных контекстах *снизить квоту в парламенте*, *лимитированный состав участников* и под. актуализируются за счет семантического дублирования в синтагме (имплицитный компонент в слове *парламент* и эксплицитный — в слове *участник*). Таким образом, расширение валентности в обоих случаях связано с обогащением эксплицитной части семантики слова.

2. Современность языка, однако, дает нам возможность наблюдать подобное следствие при прямо противоположной причине: возможности для расширения семантической валентности слова появляются в результате деактуализации ряда дифференциальных компонентов, как периферийных, так и выраженных. При этом особо актуализируются, сохраняются в сознании носителей языка как наиболее или единственно значимые либо родовые, либо дифференциальные эксплицитные компоненты (последние — одновременно с деактуализацией родовых). В то же время людьми с высоким уровнем речевой культуры словоупотребления такого рода по-прежнему воспринимаются как аномальные, несмотря на их активность.

Так, тенденция к неоправданному расширению валентности в официальной и массовой коммуникации наблюдается у слова *эффект* и его производных: *А это значит, что вы получаете эффект, умноженный на 20!; И сегодня такой препарат с усиленной эффективностью уже появился в аптеках* (газета «Будь здоров», 07.09.09).

В первом примере наблюдается гипосемантизация — частичная реализация значения слова. Объем понятия *эффект* универсализируется по объему смежного понятия *результат*. При этом особо актуализируется эксплицитный дифференциальный компонент «результат» и уходит на семантическую периферию и родовая сема «действие», и видовая сема «следствие». Подобные изменения в семантике этого слова можно наблюдать и в следующем контексте: *... в нем (в препарате. — Н. А.) действие боярышника впервые усилено калием и магнием, что придает ему эффект «форте»* (газета «Будь здоров», 07.09.09).

Во втором примере семантические сдвиги менее заметны, поскольку они происходят и в сфере импликации тоже. Здесь наблюдается выравнивание валентности слов, которые в соответствии с современной нормой не могут быть валентны. Так, в слове *усиленный* не реализуется (десемантизируется) компонент «улучшенный» (мотивировочный), препятствующий сочетаемости в данном контексте, а особо актуальным становится родовый компонент «увеличенный». В то же время в слове *эффективность* актуализируется родовый компонент «действенность» при деактуализации имплицитной позитивной оценки.

Подобным образом расширяется валентность слов *риск* (*иметь риск*), *статус* (*увеличить статус*), *специальность* (*профессионалы специальности*) и многих других.

Сделанные наблюдения дают возможность утверждать, что расширение валентности происходит за счет обеднения денотата и снижения семантического потенциала слова. Это представляется адекватным текущим процессам десемантизации и гипосемантизации, наблюдаемым на уровне не только лексической, но также грамматической и стилистической семантики.

Новые абстрактные имена существительные как индикатор изменений в концептосфере русского языка

Т. Н. Александрова

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

alexandrovatn@yandex.ru

Лингвокультурный концепт, концептосфера, оценка, ценность

Summary. In the report we consider the formation of new cultural concepts encoded in new abstract nouns in the modern Russian language. The concepts under study indicate significant changes in the conceptual system of the Russian language reflecting new tendencies in the Russian culture.

Обобщение нового культурного опыта в сознании носителей языка связано с концептуализацией наиболее культурно-значимых признаков и формированием на их основе новых лингвокультурных концептов — когнитивных струк-

турно-значимых признаков и формированием на их основе новых лингвокультурных концептов — когнитивных струк-

тур особого типа, в которых кодируется информация о ценностных установках лингвокультурного сообщества.

В докладе предполагается рассмотреть формирование новых лингвокультурных концептов, овеществляемых абстрактной лексикой в актах деривации и трансдеривации. Под лингвокультурным концептом в данной работе мы понимаем ментальные образования, которые «в концентрированном виде содержат оценочный кодекс той или иной лингвокультуры» [2: 31]. Е. С. Кубрякова отмечает значимость абстрактной лексики в формировании новых концептов. «Абстрактная лексика — пишет она — создается для того, чтобы фиксировать имена для наиболее релевантных и значимых концептов в картине мира, а, следовательно, и для того, чтобы обеспечивать описание мира самой высокой степени сложности» [3: 13].

Особое внимание обращают на себя новые абстрактные существительные (выборка новых абстрактных имен выполнена на базе «Грамматического словаря новых слов русского языка» — dict.ruslang.ru. Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2008), поскольку именно в них «кристаллизуются» новые смысловые константы языка. Среди них можно выделить несколько групп в зависимости от факторов, которые обуславливают их образование.

1. К первой группе можно отнести абстрактные существительные, представляющие концептуализацию признаков, маркирующих новую аксиологическую доминанту русского лингвокультурного пространства, а именно — переход от одного культурного типа (восточнославянского — созерцательного) к другому (западноевропейскому — активно-деятельностному). В образовании концептов этого типа преимущественно используются лексические единицы, заимствованные из английского языка. И это не случайно, поскольку заимствованное слово является своего рода передатчиком нового концепта и заключенных в нем ценностных установок из одной культуры в другую. Попадая в новое лингвокультурное пространство, заимствованные прищипованные слова начинают обживать в нем, реализуя свой деривационный потенциал, в частности, в образовании абстрактных имен. Нередко аналог абстрактного имени заимствующего языка может отсутствовать в языке-источнике, что объясняется меньшей значимостью признака, заключенного в этом имени, для культуры-источника, ср.: *креативный* — *креатив*, *неординарный* — *неординарность*, *реализуемый* — *реализуемость*, *неадекватный* — *неадекватность*.

Исконная лексика, тем не менее, также может использоваться в образовании новых абстрактных имен, репрезентирующих лингвокультурные концепты активно-деятельностного культурного типа, ср.: *интересный* — *интересность*, *нужный* — *нужность*, *особый* — *особость*, *невостребованный* — *невостребованность*, *неготовый* — *неготовность*.

Анализируя приведенные примеры, можно заключить, что образование абстрактного имени это языковой сигнал об изменении в концептосфере русского языка, об оценивании (со знаком «плюс» или «минус») того или иного явления общественной жизни. Так, одним из признаков активно-

деятельностного культурного типа является акцент на индивидуальных достижениях личности, на значимости роли отдельного индивидуума в преобразовании, активном переустройстве мира. Отсюда концептуализация признаков, необходимых для достижения личного успеха, — *неординарность*, *интересность*, *особость*, *нужность*, *креативность*, *продвинутость*. В других случаях концептуализируются признаки, характеризующие саму деятельность — *креатив*, *реализуемость*, *интересность*, *оригинальность*, *престижность*.

2. Еще одна группа новых концептов обозначает своего рода водораздел между людьми нового и старого времени. Хорошим примером здесь служит концепт, заключенный в новом абстрактном имени *советскость*, который употребляется со знаком «минус» в дискурсивной практике носителей русского языка. Ср.: *Вообще же работа пока идет очень четко, без всякой советскости. Я не ощущал в них агрессивности, ни тем более официальной советскости* (иллюстративный материал собран на базе Национального корпуса русского языка — www.ruscorpora.ru).

Нередко новые концепты, образованные на базе заимствованных слов, начинают конкурировать с исконно русскими концептами-аналогами, делить с ними «сферы влияния». Примером этого явления может служить конкуренция нового концепта *креатив* с исконно русским концептом *творчество* (подробнее см. в [1]). Результатом конкуренции исследуемых концептов является разделение денотативного пространства «созидательная деятельность». *Креатив* — «созидательная деятельность, направленная на получение прибыли», ср.: *Таким образом, у талантливых людей появляется реальная возможность заработать на креативе и самобытности. Творчество — «созидательная деятельность для души», ср.: Им не простили той самой свободы духа и мысли, что рождает истинное творчество.* Это разделение денотативного пространства исследуемых лексем находится в зоне оппозиции таких ценностных установок западноевропейской и восточнославянской культур, как «красота важнее пользы», «духовность важнее меркантильности».

Таким образом, анализ новых абстрактных имен существительных показывает, что они являются своего рода индикатором изменений в концептосфере русского языка. В частности, они репрезентируют лингвокультурные концепты, в которых содержатся ценностные установки нового времени, отражающие изменения в жизни современного российского общества.

Литература

1. Александрова Т. Н., Попова. Конкуренция заимствованного концепта *креативность* и его исконного аналога *творчество* в русском лингвокультурном пространстве // Язык — Культура: материалы Всероссийской научно-практической конференции 28–29 ноября 2007 г. Саратов. 2008. С. 317–322.
2. Карасик В. И., Прохвачёва О. Г., Зубкова Я. В., Грабарова Э. В. Иная ментальность. М., 2005.
3. Кубрякова Е. С. Образы мира в сознании человека и словообразовательные категории как их составляющие // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2006. Том 65. № 2.

Семантические трансформации слова (синхронический аспект)

Е. И. Беглова

Стерлитамакская государственная педагогическая академия имени Зайнаб Бишевой

beglova-elena@yandex.ru

Семантика, лексема, лексико-семантический вариант, фразеологическая единица, синтагматика

Summary. *Semantic transformation of the word (synchronical aspect).* The paper presents one of the ways of developing the lexicon and phraseological units of the Russian language (XX–XXI centuries).

Отдельные общеупотребительные лексемы функционируют в публицистике рубежа XX–XXI вв. в несвойственной для них синтагматике, выражая прагматические интенции адресанта текста, развивая систему лексико-семантических вариантов (ЛСВ), например: революция, синдром, перезагрузка (перегрузка), и др. Актуализация новой семантики и синтагматики слов в публицистических текстах обуславливает возникновение новых лексем и фразеологических единиц (ФЕ), которые получают статус либо узуальных речевых единиц, либо кодифицированных языковых единиц. Продемонстрируем вышеизложенное семантическим анали-

зом отдельных лексем, функционирующих в СМИ, по нашему мнению, определяющих речевой и языковой вкус современной языковой личности. Отражая реалии разных сфер российского общества, современная языковая личность (напр., журналист) либо создает образные речевые единицы, либо использует общеупотребительные или собственные речи определенных групп людей (политиков, представителей шоу-бизнеса, медиков и т. п.) с целью создания экспрессии, эвфемизации речи и т. п. Так, активизировалась лексема *революция*, расширив синтагматику и получив новые семантические оттенки: *сексуальная революция*, *бар-*

хатная революция, оранжевая революция, кафельная революция, кофейная революция и т. п. В литературном языке лексема *революция* от лат. *revolutio* — переворот: 1) коренной переворот в социально-экономической структуре общества, приводящий к смене общественного строя; разг. об Октябрьской революции 1917 г.; 2) переворот в какой-либо сфере общественной жизни; резкий скачкообразный переход от одного качественного состояния к другому. В СМИ актуализуется семантика «противостояние кого-либо государственным или общественным интересам», напр., *кафельная революция*: заголовок «Бунт в Кишиневе устроили дети гастарбайтеров?»; подзаголовок: «Запах революции». *От сожженного комплекса зданий молдавской власти тянуло горелым пластиком. ...Люди, затеявшие «кафельную» революцию (так уже прозвали кишиневский погром из-за ассоциаций с молдавскими гастарбайтерами — мастерами укладывания кафельной плитки), оказались стратегами с гибким мышлением — они сделали ставку даже не на молодежь, а на подростков* («КП». 10.04.2009. С. 2.). Слово *революция* актуализует одну из сем — «погром». Продуктивная словообразовательная модель словосочетаний прилаг. + сущ. способствует передаче семантических коннотаций слова *революция*, возникших на основе метафорического и метонимического переноса значений: *оранжевая революция* (по цвету символики), *кафельная революция* (по действию), *кофейная революция* (дискуссия о граммат. роде слова). Таким образом, лексема *революция* развивается в публицистическом тексте новый ЛСВ «выражение несогласия по поводу чего-либо». Некоторые словосочетания в 2000-е гг. получили статус кодифицированных ФЕ (*сексуальная революция* [3], *бархатная революция, оранжевая революция* [2]), другие являются узальными устойчивыми словосочетаниями, активно функционируя в СМИ. Семантические и синтагматические особенности наблюдаются у слова *синдром*, выступающего опорным словом в ряде устойчивых словосочетаний или новых ФЕ, построенных по продуктивной словообразовательной модели сущ. + сущ., напр.: *синдром вождей* — ‘медиц. напряжение длинных мышц спины, выпячивающихся в виде двух натянутых шнуров’; *синдром менеджера* — ‘медиц. форма неврастении, развивающаяся при работе, связанной с высокими нагрузками и эмоциональным напряжением’. В текстах СМИ происходит расширение семантики фразеологизированного словосочетания, т. е. возникает новый ЛСВ: *синдром менеджера* — ‘болезнь деловых людей, вызванная неподвижным образом жизни, приводящая к депрессиям, стрессам’, напр.: заголовок «Лекарство от синдрома менеджера». *Настой ишиек (хмеля) применяют при бессоннице и вегетососудистой дистонии и как противосудорожное средство. Еще он чудесно помогает от распространяющейся в последнее время напасти деловых людей — синдрома менеджера, который сопровождают все перечисленные выше симпто-*

мы («Аргументы недели». 13.08.2009.). Или: *синдром гипответственности* — ‘о безотказном человеке; заблевание многих современных людей, преимущественно женщин’. *Так что же заставляет нас на все отвечать «да»?* («Молод. газ.» 16.04.2009. С. 16.). Семантические трансформации лексем *перезагрузка, перезагрузить*, свойственных речи компьютерщиков, в текстах СМИ породили новые ЛСВ и ФЕ *перезагрузка отношений* (ср. *перезагрузка компьютера*), напр.: заголовок «Лавров и Клинтон „перезагрузились“» (о саммите в Женеве 6 марта 2009 г. — Е. Б.); *Миссис Клинтон привезла своему московскому коллеге подарок — большую красную кнопку, символическое нажатие на которую должно было «перезагрузить» двусторонние отношения России и США (начать их с чистого листа предложил в феврале американский вице-президент Джо Байден). На кнопку значилось слово на двух языках. Правда, английское «reset» — «перезагрузка» — было написано правильно, а вот по-русски (латинскими буквами) грамотеи из США вывели «перезрузка», потеряв куда-то приставку «за». Случился натуральный конфуз! Лавров Хиллари Клинтон аккуратно поправил. «Вы ошиблись, здесь надо было написать „перезагрузка“, а вы использовали совсем другое слово», заметил министр. Госсекретарь рассмеялась и заявила Лаврову, что приложит все усилия для того, чтобы не допустить «перезрузки» в отношениях двух стран. И добавила, что надпись в чем-то правельна: «У нас будет перезрузка в плане работы»* («КП». 10.03.2009. С. 2.). Или: предтекст — *В Москве госсекретарь США Хиллари Клинтон выступила с новыми инициативами. О «перезагрузке отношений» миссис Клинтон вчера говорила охотно. «К сожалению, я не присутствовала на саммите президентов (нынешним летом в Москве. — ред.), так как сломала локоть. Но с тех пор и мой локоть, и наши отношения претерпели „перезагрузку“, — улыбалась гостя главе российского МИДа Сергею Лаврову* («КП». 14.10.2009. С. 2.). Лексема *перезагрузка* получает новый ЛСВ — обновление отношений между странами, в данном случае между Россией и США.

Таким образом, семантические изменения конкретных слов, обусловленные расширением их синтагматики (чему способствуют СМИ), являются одним из продуктивных способов обогащения литературной лексики и фразеологии, отражая актуальную тенденцию развития лексики и фразеологии русского языка конца XX — первого десятилетия XXI в.

Литература

1. Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. М., 2004.
2. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2007.
3. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / Под ред. Г. Н. Складневской. М., 2001.

Новые явления в русской спортивной терминологии

В. Р. Богословская

Волгоградская академия государственной службы

bogoslovska@mail.ru

А. Н. Долженко

Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва)

adolgenko@mail.ru

Русский язык, межъязыковое взаимодействие, спортивная терминология, адаптация заимствований

Summary. The English language impacts on the modern Russian sport terminology: the great variety of loan words and their derivatives were borrowed from the British, American English especially through the last decade. As a result of this influence modern Russian sport terminology includes new language phenomena, such as: violent transplantation, artificial usualization, slang derivation and lexical-semantic re-export.

В русской спортивной терминологии традиционно высок процент интернациональной лексики. В ситуации англо-американской языковой экспансии конца XX — начала XXI в. приток спортивной лексики из английского языка и его американского варианта в русский язык оказался беспрецедентным по объему и интенсивности вхождения. По нашим данным, в указанный период русским языком из английского и его американского варианта было заимствовано и в той или иной степени освоено свыше 700 слов (около 1000 зна-

чений), и этот процесс продолжается. Специфика взаимодействия спортивных лингвосистем заключается в том, что в процессе заимствования языком-реципиентом импортируются не только отдельные понятия и их названия, но и целые лексико-семантические микрополя.

Результаты анализа англоязычного влияния на спортивную лексику современного русского языка заставляют переосмыслить отдельные аспекты теории заимствования, а также закономерности фонетико-графической, лексико-семан-

тической и функциональной адаптации заимствований в русском языке. В частности, это относится к обнаруженным нами новым языковым явлениям в русской спортивной терминологии: насильственной трансплантации, искусственной узуализации, жаргонной деривации и лексико-семантическому реэкспорту.

Насильственная трансплантация отличает использование спортивной лексики в прессе: с целью украсить фразу, придать ей «иностранный имидж» вместо заимствования, уже прошедшего в русском языке фонетико-графическую адаптацию с помощью транслитерации или практической транскрипции, используется трансплантат. Случаи использования трансплантации не для компенсации отсутствия русских форм английских заимствований, а в связи с пристрастным отношением авторов к языковой «нерусскости» известны и описаны наукой о языке. Однако примечательно то обстоятельство, что насильственной трансплантации в языке спортивных изданий подвержены не только профессиональные термины, но и общеупотребительные слова.

Искусственная узуализация — это процесс, в результате которого окказиональным терминологическим словам придается четко определенный узу, в то время как случаи их употребления в речи единичны и не обусловлены коммуникативной ситуацией. Явление искусственной узуализации окказиональной лексики следует воспринимать как результат действия позитивно-гетеростереотипа восприятия американских спортивных реалий и, возможно, как признак лингвокультурного шока.

Жаргонная деривация — элемент языковой игры предшественников русской спортивной лингвокультуры. Суть этого явления в том, что происхождение некоторых производных слов русского языка на основе ложной этимологии связывается с англоязычным заимствованием, имеющим сходные с исконно русским словом структурные элементы. Явление жаргонной деривации свидетельствует о том, что в процессе функциональной адаптации в русском коммуникативном пространстве спортивные англицизмы в конце XX — начале XXI в. существенно расширяют диапазон своих функциональных возможностей.

Лексико-семантический реэкспорт — это процесс межязыкового взаимодействия, в результате которого лексическая единица языка-источника, пройдя обработку в языке-реципиенте, возвращается в язык-источник с новыми лексико-семантическими свойствами. Действие этого языкового процесса наблюдалось и ранее (взаимодействие русского и французского языков в начале XIX в.). Для спортивной терминологии действие этого процесса уникально, так как русский язык в последнее время экспортирует мало лексико-семантических единиц и выступает, прежде всего, как активный импортер лексики.

Поскольку язык спорта занимает особое место в кругу специальных языков в силу доступности широким массам разных социальных и возрастных групп, высока вероятность распространения указанных явлений на другие лексико-семантические группы современного русского языка.

Своеобразие адаптационных процессов в русском языке: итоги последних 25-ти лет (1985–2010)

Е. В. Маринова

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

marinova@list.ru

Адаптация, одноструктурные иноязычные слова, заимствование парадигмы

На характер адаптации иноязычных слов в русском языке оказывает сильнейшее влияние окончательная смена к концу XX в. доминирующего языка-источника (в подавляющем большинстве случаев, как и во многих других языках-реципиентах, это английский язык). Последствия такого доминирования проявляются в том, что русский язык все чаще принимает какое-либо конкретное слово не как отдельное, единичное слово, а как член какой-либо готовой парадигмы, микросистемы: словообразовательной (если заимствуются однокоренные слова, связанные в языке-источнике отношениями производности: *бренд, брендинг, ребрендинг*) или лексической (если заимствуются синонимические пары или ряды: *бизнес-вумен — бизнес-леди* и т. п.). Кроме того, среди поступающих в русский язык новых иноязычных слов формируются группы идентичных по структуре лексем, освоение которых проходит в общем русле, по одинаковым или похожим схемам. Перечислим основные группы с указанием отдельных общих черт в адаптации слов, входящих в каждую из групп.

1. Имена существительные, восходящие к сложным словам или словосочетаниям в языке-источнике (*массмедиа, флеш-моб, праймтайм*). Эта группа заимствований активно пополняется на рубеже веков новыми единицами. Для их адаптации характерно орфографическое варьирование (слитное, дефисное или раздельное написание); произношение с побочным ударением; варьирование по признаку склоняемости / несклоняемости (*индустрия фаст-фуда / фаст-фуд*) или — для некоторых лексем — отсутствие словоизменения (в последнем случае нередко оказывается невыраженной, нереализованной в речи грамматическая категория рода — *плей-офф*); ограниченные словообразовательные возможности.

2. «Инговые» имена существительные — еще одна заметная пополняемая с конца XX в. группа иноязычных. До последнего времени англицизмы с исходом *-инг < -ing* при заимствовании входили преимущественно в разряд субстантивов *singulalia tantum*. Наблюдения за употреблением в русской речи новых инговых существительных показывают, что они стали более последовательно русифицироваться с точки зрения числового противопоставления. Основная масса слов на *-инг* употребляется в русской речи в форме как

единственного, так и множественного числа (слов на *-инг*, не зафиксированных нами в форме множественного числа, немного, около 7%; ср. общее число исследованных единиц — 165). Некоторые англицизмы уже на русской почве развили новое значение, которое закрепилось именно за формой множественного числа. Такие неосемантизмы в результате лексикализации множественного числаполнили разряд существительных *pluralia tantum* (*тренинги* ‘спортивные тапочки’, *карвинги* ‘лыжи с зауженной средней частью’ и др.).

Свидетельством ускоренной русификации инговых субстантивов является и тот факт, что они, как правило, сразу получают кириллический вариант написания, минуя стадию «вкрапления», т. е. написания в оригинальной графике. Отметим также, что в этой группе лексики отдельные слова относятся к мотивированным словам (см. *банкинг, консалтинг, тренинг, паркинг, прессинг* и т. п.), имеющим в русском языке «родственников» (ср. *банк, консультировать, тренировать, парковать, пресс*). Наличие мотивированности позволяет заимствуемым словам активно «пристраиваться» к существующим в языке-реципиенте парадигмам.

Еще одна новая особенность в освоении инговых существительных — способность образовывать глаголы, см.: *рейтинговать, прессинговать, шоппинговать* и др. (ср. ранее только *митинговать*).

3. Имена существительные на *-с / -з*, восходящие этимологически к формам множественного числа с формантом *-s*, не так многочисленны, как слова предыдущей группы. Но несколько слов следует сказать и о них, т. к. в их адаптации также наблюдаются общие черты. В предыдущие периоды истории русского языка подобные слова оформлялись окончаниями (необычно было то, что форма единственного числа, с нулевым окончанием, этимологически восходила к плюральной форме — *кекс, рельс*). В XX — начале XXI в. мы видим отступление от традиции — отсутствие системы окончаний и, следовательно, словоизменения у слов на *-с / -з*. Можно сказать, что формируется новая «модель» грамматического освоения таких слов. Есть и уникальные случаи, когда слова, восходящие к форме множественного числа, на русской почве становятся существительными, употребляю-

щимися только в единственном числе (*дартс, сокс* — названия спортивных развлечений).

Кроме того, для новых слов на *-с / -з* характерно фонематическое варьирование, при котором варьирующие единицы различаются наличием / отсутствием последнего согласного (тождество лексического значения при этом сохраняется), см.: *фьючерс* — *фьючер*, *дартс* — *дарт*, *группиз* ‘особо преуспевающие поклонники какого-л. певца или группы’ — *группи*.

4. Имена существительные на *-ин, -жен* — слова с нетрадиционным для русского языка исходом. Все они имеют фонематические варианты, различающиеся наличием / отсутствием звука [э] — *промоуин / промоушен* (второй вариант благозвучнее и привычнее для русского языка, ср. *вишен*). Словоизменение таких слов «задерживается» — из-за необычности исхода. Вследствие этого некоторое время в русской речи функционируют грамматические варианты слов на *-ин, -жен*, различающиеся по признаку склоняемости / несклоняемости. По-видимому, необычный исход влияет и на графическую адаптацию слов: первоначально слова на *-ин, -жен* какое-то время воспроизводятся в русских текстах в оригинальной графике (см., например *fashion, fiction, fusion*).

Ограничено также образование производных на базе данных слов.

Таковы основные группы одноструктурных иноязычных слов, адаптация которых имеет общие черты. Безусловно, интерес представляют и другие, менее многочисленные группы заимствований (слова на *-мент* английского происхождения; слова на *-мейкер* и др.).

Говоря об общих структурных особенностях современных заимствований, нельзя не отметить тот факт, что подавляющее большинство иноязычных существительных оканчивается согласным звуком (что также объясняется заимствованием из одного языка-источника). По этой причине родовая адаптация иноязычных субстантивов на рубеже XX–XXI вв. имеет свои особенности, а именно: значительно преобладают среди новых слов существительные мужского рода (зафиксированы даже такие субстантивы мужского рода, которые обозначают лиц женского пола (!) — *бисит-тер* ‘приходящая няня’).

В целом особенности освоения заимствуемых слов за последние 25 лет объясняются действием такого ведущего фактора, как аналогия.

Диалектное варьирование как отражение динамики современных говоров

Е. А. Нефедова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

eanefedova@gmail.ru

Диалект, региолект, общерусское слово, языковая личность

Summary. This paper reviews the dialectal variation of common Russian words in relation to the overall dynamics of the modern dialects.

Выделение диалектов как территориальных разновидностей общенационального языка связано с представлением о его варьировании. Проблема варьирования, одна из центральных в диалектологии, в современной научной парадигме с ее особым вниманием к содержательной и функциональной стороне языка, к особенностям отражения в нем внеязыковой действительности, приобретает особую актуальность.

Диалектное варьирование определяет общую динамику диалектной системы. Вместе с тем, эволюционные процессы имеют региональную обусловленность. В результате этого формируются новые формы диалектного общения, утрачивающие яркие диалектные черты, но все же сохраняющие территориальную окрашенность.

В современных говорах утрачиваются многие слова, связанные с обозначением реалий старого, фактически уже разрушившегося крестьянского уклада, и на первый план выдвигается лексика разговорно-обиходного характера. **Функциональная значимость** обиходно-разговорной лексики (в отличие от лексики терминологической, связанной с традиционными промыслами, обрядовой, лексики фольклорного характера и т. п.) является одной из отличительных особенностей современных говоров, в которых (или на базе которых) складываются новые формы речевого общения. Разговорно-обиходная лексика имеет много общего с лексикой просторечия и разговорной формы литературного языка, но при этом обладает и местной, локальной спецификой. Названные особенности, в совокупности с изменениями в области фонетики и грамматики говоров, дают основания говорить о формировании региолектов как новой формы диалектного общения [1]. Базой их формирования могут быть говоры диалектных групп, обладающие большой структурной и территориальной близостью.

Наблюдения над лексикой архангельского региона свидетельствуют о том, что лексико-семантическая вариативность обиходно-разговорной лексики складывается во многом из лексических и семантических вариантов **общерусских слов**.

Единичность фиксаций некоторых диалектных вариантов может наводить на мысль об их неузуальном характере, однако граница между узуальным и неузуальным в говорах (как и в устной разговорной речи в целом) достаточно неопределенна, а дальнейшая судьба неузуального слова может зависеть от множества причин, в том числе не только лингвистических.

Факты нестандартного употребления узуальных слов, умеренной модификации их формы и смысла, элементов язы-

ковой игры, описанные на материале литературной разговорной речи, весьма характерны для говоров. Устная форма существования говоров, отсутствие кодифицированной нормы создают благоприятную среду для формального и семантического варьирования функционирующих в них слов.

Носители диалекта обладают большими потенциальными возможностями в создании вариантных языковых единиц и их использовании в речи. «Устность» диалектной речи связана с другим фактором варьирования — ее повышенным эмоциональным тонусом.

Сфера эмоционально-оценочного отношения к действительности — это одна из важных сфер проявления индивидуальности языковой личности. Языковая инициатива носителя говора может проявляться в индивидуальном варьировании общеупотребительных слов диалекта и в создании новых, индивидуальных слов по готовым словообразовательным моделям. Так, в [2], представляющем прагматически окрашенную часть лексикона конкретного носителя говора, отмечено 326 индивидуальных образований. Две пятых общего объема составляют словообразовательные варианты узуальных слов, две пятых образованы в результате сдвига значения и представляют собой семантические варианты узуальных слов, одна пятая — индивидуальные слова. Все они образованы либо на базе общерусских корневых и суффиксальных морфем, либо на базе звукоимитивизма.

Региональная окраска текста во многом определяется характером варьирования **общерусских** лексических и словообразовательных средств. Лексическая вариативность, опирающаяся на общерусский компонент, практически не затрудняет его восприятие. Так, в тексте из 160 слов, записанном от названной диалектной личности, представлено 7 случаев семантического варьирования, 14 случаев словообразовательного варьирования общерусских слов, и всего лишь четыре слова относятся к собственно диалектной лексике.

Несомненно, что порождение в процессе коммуникации единиц по готовым словообразовательным моделям обеспечивает говорящему определенную свободу коммуникативной стратегии, известную мобильность при передаче информации или выражении эмоций. При этом степень языковой инициативы говорящего зависит от большей или меньшей его склонности к рефлексии над языком, к словотворчеству, к языковой игре. Креативность подхода к языку — один из параметров типологии языковых личностей.

Общая динамика развития диалектной системы так или иначе отражается в индивидуальных особенностях языка личности. По-видимому, структурная и функциональная значимость лексики разговорно-обиходного характера, в усло-

Литература

1. Герд А. С. Диалект — Региолект — Просторечие // Русский язык в его функционировании. М., 2000.
2. Нефедова Е. А. Экспрессивный словарь диалектной личности. М., 2001.

Динамические процессы в современной русской топонимической системе

С. А. Никитин

Российский университет дружбы народов (Москва)

konstruktividze@yahoo.com

Городская топонимия, топогенез, повседневное коммуникация

Summary. A new theoretical approach to the study of the place-name system is focused on evolutionary processes in Russian toponymy. Basing on field linguistic and socio-urbanistic research of the toponymic sign in everyday communication primary value of topogen (socio-urbanistic orienteer) has been revealed. Such dynamic changes as creation, expansion, reduction and cancellation of the sign giving to its evolution in the social mind make part of topogenesis.

Русская городская топонимия представляет широкое поле для исследования эволюционных процессов в системе собственных имен [3]. На основании полевых исследований повседневной коммуникации нами выявлена динамическая природа топонимического знака, выражающаяся в таких явлениях как появление, экспансия, редукция и исчезновение знака, обусловленных его функционированием в коллективном сознании жителей города. Мы выходим за пределы узкого слоя официальных топонимов, которые фигурируют в делопроизводстве. Предлагается новый теоретический подход к изучению формирования и функционирования топонимической системы, ядром которой является постоянно реформирующаяся система имен **топогенов** (социурбанистических ориентиров, от имен которых производятся топонимы). Функционирование системы представляет собой спонтанный процесс.

Исследования 1995–2009 годов участия названий улиц и площадей Москвы в повседневной топонимической коммуникации показывают, что они выступают наравне с наименованиями других реалий: коммерческих, транспортных и общественных объектов, искусственных и естественных элементов пейзажа, связанных с местом событий известных некоему кругу лиц. Спецификой городской культуры является частое употребление в общении со знакомым или незнакомым людьми топонимов с большей или меньшей степенью полноты информации, отвечающей на вопрос *где это?* и *как туда пройти?* Мы создали базу данных описаний местности москвичей и петербуржцев, включающую в себя более 800 топонимов на основании опроса более 1000 людей, и сопоставили узуальные описания и официальные городские адреса. По нашим опросам, фраза *Людия Ивановна теперь у старого Ядрана живет* (1995, У30) передавала географическую информацию для москвича конца XX века однозначно, в отличие от указания на официальный адрес (*Профсоюзная улица, 152*), который требовал разъяснений в связи с длиной этой улицы: *это ближе к Черемушкам? Теплый Стан?* и проч. В настоящий момент топонимическое использование названия магазина «Ядран» ограничено социально-возрастной группой старшего поколения, и не только потому, что магазин закрылся, но поскольку изменилась социально-экономическая ситуация.

Выбор элементов описания носителем данного языка позволяет определить **состав и процессы формирования и функционирования топонимической системы современного города**. *Тверская улица, Невский проспект, Телеграф, памятник Пушкину, Адмиралтейство и Исаакиевский собор* являются ключевыми элементами в топонимической системе, поскольку их референты — активнейшие топогены и обладают большой социурбанистической значимостью, независи-

мо от их официального статуса. В больших городах закрепляются устные неофициальные топонимы: *Садовое кольцо* (включающая несколько официальных топонимов, таких как *Садовая, Садовая-Черногрязская, Садовая-Триумфальная* и др.), *Пьяная дорога* (в районе московского района Кожухово).

Гибкая, постоянно меняющаяся система знаков, идентифицирующих городские объекты, постоянно реформируется, порой формируется заново, обновляясь вслед за самим городом, в нее входят новые элементы, а старые меняют свою системную значимость [3]. Повышение и понижение значимости топонима в топонимической системе проявляется частотности его употребления, изменении описываемого им ареала (экспансия), в необходимости уточнения, в использовании в качестве опорного для описаний других местностей. Например, устный топонимический знак *Манежка* в сегодняшней Москве обозначает помимо собственно *Манежной площади*, ареал топонимов *Александровский сад* и *Моховая улица*, использование которых сегодня ограничено (редукция). Неупотребление топонима является специфичной динамической характеристикой топонимической системы. **Неупотребление** есть одна из стадий десемантизации топонимической единицы.

Итак, **устный топонимический знак фиксирует социурбанистическую ситуацию**, следуя за развитием ландшафта. Такие процессы свойственны топонимии городов в разных культурах (нами получены данные по состоянию дел в Риме, Монце, Милане, Турине, а также Тегеране, Исфагане — см. [2]). Предложенная методика использовалась в проекте университета Roma-2, посвященном анализу устной топонимии одного из районов Рима. Первичными и определяющими для появления и функционирования узуальных топонимов являются экстралингвистические факторы. Новый топоним, и **официальный**, и узуальный, является показателем (фиксацией) высокой социурбанистической релевантности топогена, от которого он заимствует имя. В перспективе исследования — монография, посвященная динамической процессам в топонимии больших городов, актуализации топонимической системы в повседневном устном и письменном общении и — главное — процессам и принципам ее формирования.

Литература

1. Никитин С. А. Десемантизация топонимов в Москве и Риме // Ономастика в кругу гуманитарных наук. Материалы международной научной конференции. Екатеринбург, 2005. С. 98–101.
2. Никитин С. А., Молчанова Е. К. Современный топогенез в некоторых индоевропейских языках и городских культурах (Россия, Иран, Италия). М., 2009 (в печати).
3. Суперанская А. В. Ономастика начала XXI века. М., 2008.

Инновационные тенденции в русском языке начала XXI века

Л. И. Плотникова

Белгородский государственный университет

Plotnikova@bsu.edu.ru

Лексические новообразования, компрессия, универбаты, окказионализмы

Summary. Analysis of lexical new formations allowed to determine most innovative tendencies in the modern language. The most vivid is the tendency of saving speech efforts. Its manifestation may be considered by the increase of amount of new different word additions, abbreviations, conversational phrases, crossbred formations.

Активное словотворчество, проявляющееся в языке СМИ, в живой разговорной речи свидетельствует об открытости

языковой системы для различного рода инноваций. Многолетние наблюдения автора за процессами появления новых

слов в русском языке позволили выявить наиболее заметные инновационные тенденции, характерные для современного состояния языка, а также выявить изменение активности отдельных словообразовательных моделей. Так, если 5–10 лет назад особую активность проявляли префиксальные новообразования (с приставками *де-*, *анти-*, *контр-*, *недо-*, значение которых так или иначе соотносилось с социокультурными процессами, происходящими в жизни России) [2: 179–181], то в настоящее время данные форманты значительно снизили свою активность, хотя отдельные новообразования с указанными препозитивными формантами отмечаются и в настоящее время.

Анализ языкового материала показал, что одной из наиболее значительных тенденций, проявляющихся в русском языке в последнее время, продолжает оставаться тенденция к экономии речевых усилий. Ее проявлением можно считать значительное увеличение количества композитов различных типов. Среди лексических инноваций-конденсатов в первую очередь обращает на себя внимание резко увеличившееся число разнословных сложений, или биноминов. Исследователи по-разному пределевают существо и статус данных образований. Язык современных газет свидетельствует о значительной активизации биноминов в последнее десятилетие, ср.: *бизнес-план*, *покупка-продажа*, *фирма-спонсор*, *выставка-дегустация*, *магазины-конкуренты* и др. В подобного рода словах отражается стремление языка к удобному и компактному формам выражения: *Видимо, актриса боится сглазить свое женское счастье. Да и жених у Снаткиной, бесспорно, хорош собой — такого действительно лучше подальше держать от актрис-конкуренток.* (КП, сент. 2009). *Кидалы олигархов и олигархи-кидалы* (заголовки — КП, апр. 2009). *Юмористическая эстрада осиротела — ушел из жизни Ян Арлазоров, человек-загадка, который умел в каждый момент добавить своей удивительной «приправы»* (КП, март 2009). Особенности структуры подобного рода слов находят отражение в их значении: объединяя в одно наименование два самостоятельно употребляющихся в языке слова, биномины выражают не автоматическое объединение значений двух слов — они несут новую смысловую нагрузку, которая выявляется в условиях определенного контекста с учетом фоновых знаний и опыта языковой личности.

Язык газетной публицистики предоставляет исследователю многочисленные примеры разнословных сложений, которые отражают практически все сферы жизни. В количественном отношении преобладают биномины, включающие заимствованные элементы: *арт-тусовка*, *арт-шоу*, *байк-шоу*, *маркетинг-клуб*, *парадиз-коктейль*, *рейв-клуб*, *шопинг-тур* и др. Отдельные заимствованные элементы интенсивно используются в составе разных биноминов: *блиц* — *блиц-викторина*, *блиц-вожж*, *блиц-опрос*, *блиц-рецензия*; *факс* — *факс-аппарат*, *факс-бумага*, *факс-машина*, *факс-модем*, *факс-связь* и др.

С помощью компрессии развернутые наименования сокращаются до более компактных форм. Данное положение непосредственно относится и к аббревиации. Очевидно, именно с этим связана активность создания аббревиатур различного типа в современном языке. Среди отмеченных аббревиатур преобладают названия учреждений, организаций различных типов: общественных, государственных, партийных, например: *НПФ* — негосударственные пенсионные фонды; *ГНИ* — городская налоговая инспекция,

МКЦ — Молодежный культурный центр и др. Процесс аббревиации — это особый процесс, в основе которого лежит действие механизма компрессии, сворачивающего многословное наименование в особую сокращенную форму. При этом осуществляется не только смысловое компрессирование, но и **переключение на иной способ обработки информации**. Таким образом, на основе механизма компрессии создается специфическая когнитивная структура, а в репрезентирующем ее знаке содержится указание на способ представления содержания мышления [1, 4].

К числу активных компрессивных способов создания лексических инноваций по-прежнему относится универбизация, при которой происходит сокращение словосочетания в одно слово с сохранением его смыслового объема: *фондовая биржа* — *фондовка*; *наружное наблюдение* — *наружка*; *шенгенская виза* — *шенгенка*; *дисконтная карта* — *дисконтка*; *криминальная газета* — *криминалка*; *муниципальный транспорт* — *муниципалка*; *виртуальная реальность* — *виртуалка* и др. Собранный языковой материал подтверждает высокую активность отмеченной словообразовательной модели.

Активность функционирования универбов подтверждается увеличением числа новообразований с другими суффиксами: *медляк* — ‘медленный танец, медленная музыка’; *важняк* — ‘важное дело’; *верняк* — ‘верное дело’; *сходняк* — ‘сходная цена’; *тусняк* — ‘неформальное общение’; *передовуха* — ‘передовая статья’, *депрессуха* — ‘депрессивное состояние’ и др.

Резко усилившаяся личностная тенденция, отмечаемая исследователями современного этапа развития СМИ, сказалась на значительном увеличении окказиональных, одноразовых, «диких» слов. Среди них обращает на себя внимание группа контаминированных образований как одно из ярких проявлений компрессии. Подобного рода слова наиболее ярко демонстрируют индивидуально-творческий подход к словопроизводству, в их создании наиболее выразительно раскрываются творческие возможности человека. Они рассчитаны, как правило, на эффект неожиданности, оригинальности, неповторимости, связаны с изобретательностью и нестандартностью. Контаминированные образования отличаются одноразовостью, их значение определяется с опорой на содержательно-концептуальную информацию целого текста: *приблизиться (блюз + приблизиться)*; *пожурить (жюри + пожурить)*; *Беспределино (Переделино + беспредел)*; *меладзично (Меладзе + мелодично)*; *цюзнами (К. Цзю + цунами)* и др. Увеличилось число новообразований с графическим выделением отдельных компонентов: *МABРоди сделал свое дело*; *русская простиТурция*; *МЫСкина доброй надежды*, *ЦСКАзка с печальным концом*; *Джордж еще поБУШует*; *Кличко заварит чай с ЛЕЙМОном*.

Таким образом, одним из универсальных свойств языковой способности человека является компрессия, лежащая в основе таких способов словообразования, как разнословное сложение, аббревиация, универбизация и контаминация. Созданные указанными способами лексические инновации, как правило, социально обусловлены и отражают определенные тенденции в сфере русского словообразования.

Литература

1. Мустафинова Э. Р. Аббревиация в русском языке: когнитивный аспект. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2001.
2. Плотникова Л. И. Новое слово: порождение, функционирование, узуализация. Белгород, 2000.

Вторичное заимствование как фактор омонимизации специальной лексики в современном русском языке

Т. С. Пристайко

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара (Украина)

В. В. Зирка

Днепропетровский университет экономики и права (Украина)

tamara@viewertec.com; neo@viewertec.com

Вторичное заимствование, межнаучная омонимия, термины-омонимы

Summary. The paper deals with series of lexical homonyms formed as a result of secondary terms borrowing. The spheres of special communication are set in which terms — homonyms function.

Заимствование новых иноязычных слов квалифицируется современной лингвистической наукой как один из активнейших процессов, характеризующих русский язык на рубеже XX–XXI в. Наряду с ним ученые отмечают и процесс

нейших процессов, характеризующих русский язык на рубеже XX–XXI в. Наряду с ним ученые отмечают и процесс

так называемого вторичного заимствования, в результате которого в русском языке появляются слова, в форме совпадающие с ранее заимствованными, но имеющие иное значение [1: 175–176]. Закономерным следствием процесса вторичного заимствования на речевом уровне является заметное увеличение числа лексических омонимов.

Вторичные заимствования проникают в общий словарный состав русского языка через конкретные номинативные подсистемы, обслуживающие определенные сферы деятельности его носителей. В конце XX в. — начале XXI века подсистемами, наиболее активно вовлеченными в силу определенных внеязыковых факторов в межъязыковые контакты, оказались подсистемы экономики, высоких технологий, а также такие подсистемы духовной культуры, как кино, музыка, мир моды, спорта и т. д. (см. об этом: [2]).

Наблюдения над развитием номинативных подсистем русского языка, обслуживающих специальные сферы деятельности людей, дают основания говорить об активизации в исследуемый период таких явлений, как межсистемная омонимия, возникающая при звуковом и графическом совпадении общеупотребительных слов и новых заимствованных терминов, и примыкающая к ней межнаука (межотраслевая) терминологическая омонимия, характеризующаяся использованием звуковой оболочки одного и того же термина в разных терминосферах данного языка.

Детальный анализ межотраслевой омонимии, ставшей основным объектом проведенного исследования, показал, что наиболее активными источниками омонимизирующихся в русском языке новых заимствований являются уже названные выше подсистемы-доноры экономики и информатики, к которым добавляются терминосферы спорта и искусства.

Термины, обозначающие экономические понятия, достаточно часто омонимичны спортивным терминам, ср., например: *аутсайдер*¹ (англ. *outsider*) — ‘Спорт. Команда или спортсмен, занявшие последнее место’ [ССИС] и *аутсайдер*² — ‘Экон. Биржевой спекулянт-непрофессионал; брокер, не являющийся членом биржи’ [СЭС]; *инсайд*¹ (англ. *inside*) — ‘Экон. Конфиденциальная информация’ [АЛ] и *инсайд*² (англ. *inside*) — ‘Спорт. В хоккее, футболе — полусредний нападающий’ [АЛ]; *ринг*¹ (англ. *ring*) — ‘Спорт. Ограниченная канатами площадка для бокса’ [СИСВ]; *ринг*² (англ.) — ‘Экон. Форма краткосрочного соглашения о покупке определенного товара’ [СИСВ; СЭС] и *ринг*³ (англ.) — ‘Бирж. Биржевое кольцо, яма; площадка в помещении биржи, на которой ведется торг’ [СИСВ; СЭС] и др.

Большинство омонимов анализируемой группы представляют собой заимствования из английского языка. Англицизмы образуют и следующие ряды омонимов, включающие обозначения из области экономики, спорта и музыки: *свинг*¹ (англ. *swing*) — ‘В боксе — боковой удар’ [СИСВ], *свинг*² (англ.) — ‘1) стиль джазовой музыки; 2) современный танец’ [СИСВ] и *свинг*³ (англ.) — ‘Экон. Верхний предел клирингового кредитования, устанавливаемый фирмами’ [СЭП]; *брейк*¹ (англ. *break*) — ‘то же, что и *брейк-данс*’ [АЛ; СИСВ]; *брейк*² (англ.) — ‘Экон. 1. В деловой практике — быстрое и резкое падение цен [СЭС]; 2. Денежная несбалансированность’ [СИСВ]; *брейк*³ (англ.) — ‘Спорт. В боксе — команда разойтись’ [АЛ] и *брейк*⁴ (англ.) — ‘Спорт. В теннисе — гейм, выигранный на чужой подаче’ [СИСВ] и др.

Семантическая деривация в сфере современной адъективной лексики

М. В. Сандакова

Вятский государственный гуманитарный университет (Киров)

sandamarina@yandex.ru

Лексика, значение, семантическая деривация, качественное прилагательное, относительное прилагательное

Summary. In the end of the 20th — the beginning of the 21st century Russian vocabulary undergoes active changes. One of the ways of enriching Adjective vocabulary consists in semantic derivation.

1. Семантическая деривация и границы разрядов прилагательных

Развитие лексики, как неоднократно отмечалось лингвистами, происходит под воздействием факторов различной природы — как собственно лингвистических, так и экстралингвистических. Обычно наиболее глубокие изменения в лексике наблюдаются в периоды интенсивных социально-

В формировании междисциплинарных омонимов активно участвуют и новые термины информатики: *акселератор*¹ (англ. *accelerator* < лат.) — ‘Устройство, регулирующее поступление горючей смеси в двигатели внутреннего сгорания’ [ССИС] и *акселератор*² — ‘Информ. Специальное устройство в компьютере для ускоренного выполнения определенных операций’ [ТСИ]; *сёрфер*¹ (англ. *surfer*) — ‘Спорт. 1. Спортсмен, занимающийся сёрфингом; 2. Специальная доска для занятия сёрфингом’ [АЛ] и *сёрфер*² (англ. *surfer*) — ‘Информ. Пользователь, занимающийся сёрфингом’ [АЛ]; *сёрфинг*¹ (англ. *surfing*) — ‘Спорт. Вид водного спорта’ [АЛ] и *сёрфинг*² (англ. *surfing*) — ‘Информ. Последовательный просмотр пользователем содержимого Интернета’ [АЛ] и др.

В русском языке сложились омонимические пары заимствованных терминов, которые функционируют в сфере экономики и информатики: *импорт*¹ (< лат.) — ‘1. Экон. Ввоз товаров из-за границы; 2. Товары, привозимые из-за границы’ [МАС–2, т. 1; АЛ] и *импорт*² (англ. *import*) — ‘Информ. Преобразование данных из файлов, созданных в других программах’ [АЛ; ТСИ]; *кэш*¹ (англ. *cache*) — ‘Информ. = кэш-память’ [АЛ; ТСИ] и *кэш*² (англ. *cash*) — ‘Жарг. Наличные деньги’ [АЛ]; ‘Экон. Законное средство платежа в форме наличных денег’ [СЭС; СЭП]; *листинг*¹ — (англ. *listing*) — ‘Информ. Распечатка исходного текста программы’ [АЛ; ТСИ] и *листинг*² (англ. *listing*) — ‘Фин. Список акций компании’ [АЛ; СЭП] и др.

Проведенное исследование показало, что в современном русском языке происходит активное формирование омонимических рядов, обусловленное процессом вторичного заимствования. Проникновение новых слов происходит главным образом через терминосистемы экономики и информатики, представляющие собой своеобразный канал, «подпитывающий» ряды омонимов за счет вхождения в общее семантическое пространство специальных значений, зародившихся в основном в терминосфере английского языка.

Литература

1. Крысин Л. П. Лексическое заимствование и калькирование // Современный русский язык : Активные процессы на рубеже XX–XXI веков. М., 2008. С. 167–187.
2. Пристаiko Т. С. Глобализация и развитие омонимии в русском языке конца XX — начала XXI века // Ономастика і апелятиви: Зб-к наук. праць / За ред. проф. В. О. Горпинича. Вип. 30. Дніпропетровськ, 2007. С. 152–160.

Список сокращений

- АЛ — Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г. Н. Складневской. М., 2006.
- СИСВ — Словарь иностранных слов и выражений / Авт.-сост. Е. С. Зенович. М., 2003.
- ССИС — Баш Л. М., Боброва А. В. и др. Современный словарь иностранных слов: толкование, словоупотребление, словообразование, этимология. Изд. 7-е, стереот. М., 2006.
- СЭП — Словарь современных экономических и правовых терминов / Под ред. В. Н. Шимова и В. С. Каменкова. Минск, 2002.
- СЭС — Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. М., 2000.
- ТСИ — Новый російсько-українсько-англійський тлумачний словник з інформатики. Основні терміни / Уклад.: М. Д. Гінзбург, Л. І. Білоусова, І. М. Корніловська та ін., за ред. М. Д. Гінзбурга. Харків, 2002.

политических, экономических и культурных преобразования. Происходит появление новых слов путем словообразования и заимствования, активизация определенных лексических пластов и архаизация другой части лексики, переобразование парадигматических отношений, стилистические сдвиги и другие процессы. Конец XX — начало XXI века представляет собой именно такой период. Одним из спосо-

бов пополнения словаря русского языка, наряду с процессами словообразования и заимствования, является семантическая деривация, см. [3]. В адеквативной лексике многие случаи появления семантических неологизмов сопровождаются взаимопроникновением лексико-грамматических разрядов.

Между качественными и относительными прилагательными, четко противопоставленными друг другу как «два разных прилагательных мира» [4: 132], происходит взаимодействие, наблюдается переход из одного разряда в другой. По мнению В. В. Виноградова, «грамматическая граница между качественными и относительными прилагательными... по большей части, проходит внутри одного и того же слова, будучи обусловлена дифференциацией его значений» [1: 204].

2. Возникновение / актуализация относительных значений у качественных прилагательных

Необходимость обозначить отношение к какому-либо актуальному в обществе явлению может породить не только лексически новое относительное прилагательное, но и способствовать развитию (или актуализации) относительного значения у существующего качественного прилагательного. Ср.: *властный человек* — *властные структуры / полномочия / вертикаль / коридоры*; *тревожный голос* — *тревожная кнопка / сирена*; *признательная улыбка* — *признательные показания* и др.

Такое развитие многозначности объяснимо с точки зрения словообразования как вторичное образование прилагательного от той же самой мотивирующей основы.

3. Возникновение качественных значений у относительных прилагательных

Это интенсивный процесс, который охватывает такие актуальные тематические сферы, как политика, экономика, социальные проблемы, мода и др. Некоторые появившиеся в результате семантические неологизмы уже стали узальными и вошли в словари. Например, *звездный исполнитель*, *силовая политика*, *криминальная структура*, *рейтинговый телесериал*, *отказной ребенок* (соответствующие значения есть в словаре [6]). Переход многих других значений в узус пока лишь намечен, поскольку они еще не зафиксированы словарями, хотя частотны в языке современных СМИ, в разговорной речи, ср.: *статусная политическая фигура*, *протестный электорат*, *имиджевая модель телефона*, *пафосное шоу*, *возрастной игрок*, *социальный хлеб*.

Существует два основных пути формирования качественного значения у относительного прилагательного.

1. Развитие метафорического значения.

«Качественные значения, как правило, рождаются на основе разного рода коннотаций, свойственных базовому существительному, ассоциативных представлений, которые оно вызывает» [2: 149]. Появление многих современных семантических неологизмов происходит на основе метафорического значения мотивирующего слова, а также в результате развития вторичного значения самого производного прилагательного. Ср.: *звездное небо* — *звездный исполнитель / музыкант / хоккеист*; *конвейерная сборка автомобиля* — *конвейерные постройки / сериалы / боевики / де-*

тективы; *глянцевая поверхность* — *глянцевый герой / персوناж / жизнь / мир / культура* и др.

2. Специализация (конкретизация) связи с объектом, который назван мотивирующей основой.

В ряде работ по истории языка «окачествление» прилагательных объясняется прежде всего появлением метафорических значений, например [5]. В языке новейшего периода не менее активен другой процесс развития качественности, связанный с конкретизацией выражаемого отношения.

Относительному прилагательному как синтаксическому деривату свойственно общее указание на некоторую связь с объектом, названным мотивирующей основой, широкое недифференцированное значение отношения. Семантическое развитие может идти по пути постепенного сужения значения, т. е. конкретизации и специализации отношения на каком-либо одном из его аспектов. Такая индивидуализация свойства переводит прилагательное в разряд качественных.

Рейтинговый: ‘такой, который относится к рейтингу’ — ‘такой, который имеет высокий рейтинг’: *рейтинговое голо-вание / система оценок / метод / исследования / показатель* — *рейтинговая телепрограмма / шоу / отель / политик*. *Конкурентный*: ‘такой, который относится к конкуренции’ — ‘такой, который способен выдерживать конкуренцию; конкурентоспособный’: *конкурентная борьба / преимущество* — *конкурентная продукция / уровень услуг*. *Социальный*: ‘такой, который относится к обществу, общественный’ — ‘такой, который общедоступен по цене; недорогой’: *социальный статус / структура / институты* — *социальный магазин / продукты / сорта хлеба / жилье / гостиница / тариф / транспорт*. *Возрастной*: ‘такой, который относится к возрасту’ — ‘такой, который достиг возраста, считающегося большим для данного вида деятельности’ и ‘пожилой / старый’: *возрастной ценз / психология / дискриминация* — *возрастной игрок команды / актриса / роль / жители страны*.

4. Формирование новых парадигматических связей

Новые значения встраиваются в парадигматические отношения с уже существующими единицами. Формируются новые синонимические ряды и антонимические оппозиции. Ср.: *черный* — *противозаконный, криминальный, преступный* и *черный* — *законный, легальный, белый*; *рейтинговый* — *популярный и рейтинговый* — *нерейтинговый*; *возрастной* — *немолодой, пожилой, старый и возрастной* — *молодой*.

Литература

1. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947.
2. Земская Е. А. Относительное прилагательное как конструктивный элемент номинативной системы современного языка // Грамматические исследования: Функционально-стилистический аспект. Морфология. Словообразование. Синтаксис. М., 1991. С. 132–164.
3. Ермакова О. П. Семантические процессы // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX — XXI веков. М., 2008. С. 33–99.
4. Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. М., 1999.
5. Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е годы XIX века. М.; Л., 1965.
6. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г. Н. Складневской М., 2006.

Графическое освоение заимствований из английского языка в русском языке начала XXI века и языковая мода

Е. А. Слободян

ГОУ ВПО Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (Уфа)

elena.slobodian@gmail.com

Заимствование, освоение заимствований, графика, варваризм

Summary. In the report loanwords in modern Russian, which have not fully orthography adapted, are investigated. Words and morphemes in the Latin graphics appear not only in cases of a nomination of a new subject or the validity phenomenon. There are names of firms and trade marks, works of art and even the pseudonyms having impregnations on the Latin drawing. Presence of inserts on the Latin drawing in the text, written by a Cyrillic drawing, can be explained by a language fashion.

Конец XX — начало XXI века — это период активного вхождения иноязычных слов в современный русский язык. В нашем докладе мы обратимся к одному из аспектов освоения заимствований.

Как известно, в процессе вхождения в язык заимствованное слово проходит несколько этапов освоения: фонетическое, морфологическое, семантическое. Некоторые авторы обращают внимание на нормативный аспект орфографиче-

ского освоения заимствованных слов. Мы будем говорить о процессе, который мы бы назвали графическим освоением заимствованного слова.

Не секрет, что основной массив иноязычных слов заимствуется русским языком, как и другими славянскими языками, из английского языка. У русского и английского языков разная графика, но в современную эпоху каждый человек, закончивший среднюю школу, в состоянии читать латинскую графику. В связи с этим возникает проблема графического освоения заимствований, которая заключается в том, что слово может входить в язык, а точнее в его письменную форму, и функционировать первоначально не сразу в транслитерации, как это было еще 10–20 лет назад, когда английский язык не был так распространен, а в аутентичном написании. Таким образом, в русском тексте все чаще появляются отрывки, написанные вперемешку на русской и на латинской графике: *Bluetooth обеспечивает обмен информацией между такими устройствами как карманные и обычные персональные компьютеры* (Википедия) и даже слова, имеющие смешанное написание, слова-«кентавры» (термин Л. П. Крысина): web-мастер, vip-персона и т. п.). Отношение к такому положению дел в среде ученых разное, ноне замечать этого факта невозможно: Л. П. Крысин, признавая существование подобных лексических средств, считает их не принадлежностью русского языка, а не более чем «иноязычными вкраплениями в речь», Г. Н. Складневская, напротив, дает таким словам «право гражданства» и даже отводит им отдельный раздел в своем словаре.

Говоря о причинах, способствующих столь бурному проникновению английских заимствований в русский язык, Л. П. Крысин, М. Кронгауз отмечают социально-психологические причины: слово на иностранном языке считается более престижным, шикарным, крутым. Помимо объективной необходимости в иноязычных словах, когда в языке-рецепторе нет соответствующего слова для обозначения данного понятия или предмета (*bluetooth*) или исконное обозначение слишком громоздко и язык стремится к экономии (*web* — *всемирная мировая паутина*), слова-«кентавры», варваризмы появляются под влиянием социально-пси-

хологических причин, это явление породило обширную языковую моду. Появляются наименования предприятий и продуктов, которые пишутся в латинской графике: *Smirnoff*, *Nemiroff* (названия водок), *Lada* (название марки машины), приведенные примеры можно объяснить стремлением производителя вывести свой товар на международный рынок, а вот стремление назвать свое предприятие, которое **заведомо** не выйдет на международный рынок, по-английски или в смешанной графике, иначе, чем веянием моды не объяснишь: названия некоторых предприятий в г. Уфа: ателье: *Rossita*, *Michael*, *Taste Allure*; детективное агентство: *Sh. Холмс* Студия графического дизайнера: *Art-проект*.

«Модным» стало использовать латинские вкрапления в рекламные объявления и слоганы, где они выполняют функцию привлечения внимания, а также в заголовках художественных произведений. А. И. Дьяков замечает в 2003 г., что явление это нечастое и «рассчитано на высокую степень языковой компетенции говорящих». Однако в 2009 году можно говорить о высокой степени распространенности этого явления. Вкрапления латинского алфавита встречаются не только в заголовках рецензий и иных «высокоинтеллектуальных» произведений (как в примере А. И. Дьякова), но и в произведениях бульварной, «гламурной» (по определению самих авторов) литературы и даже в псевдонимах писателей. Достаточно просто зайти в любой российский книжный магазин, чтобы увидеть на книжных полках десятки подобных примеров: В. Пелевин *Empire V*, М. Елизаров *Pasternak*, Ева Пунш *Krycolove*, С. Минаев *Dyxless*, О. Робски *Pro lovefflon*, Ж. Срибная *Staff only*, или *Посторонним В.*; авторы: *Александр Тавровский*, *Talassa*. Интересно отметить, что подобное словотворчество в большинстве случаев никак не связано с содержанием произведения, а служит своеобразной «рекламой» автору или произведению. Таким образом, можно сделать вывод, что рассматриваемый феномен не только является одним из этапов освоения заимствований, многочисленные заимствования из английского языка породили своеобразную языковую игру, которая используется литераторами и бизнесменами и которая становится частью современной массовой культуры.

Активизация процесса номинации в современном социуме (о переименованиях высших учебных заведений и о некоторых тенденциях в процессе номинотворчества)

Л. А. Стребуль

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара (Украина)

eds_1986@hotmail.ru

Высшее учебное заведение, номинотворчество, тенденция, синтаксическая структура, переименование, детерминант

Summary. The given paper deals with the analyzing of the main trends in the renaming of higher educational establishments of last decades.

Как известно, наименования вузов представляют собой тип речевой деятельности, где первоочередным является их соответствие коммуникативному предназначению. Закономерно, что социальные изменения в обществе конца XX и начала XXI века существенно повлияли на процесс номинотворчества, потребовав новых информативно достаточных благозвучных названий.

Изменившиеся социально-политические, экономические и другие условия общественной жизни способствовали:

а) замене одних, «устаревших» названий;

б) появлению названий, представляющих новый объект. Так, существовавшие до 1990 года наименования вузов отражали особенности социально-экономической системы бывшего СССР со всеми присвоенными вузу престижными именами и орденами, например:

Днепропетровский ордена Трудового Красного Знамени государственный университет имени 300-летия воссоединения Украины с Россией — с 1993 года: *Днепропетровский государственный университет* — с 2000 года: *Днепропетровский национальный университет* (статус национальный присвоен университету в связи с 80-летием со дня его основания) — с 2008 года: *Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара* (имя выдающегося украинского мыслителя, ученого и общественного деятеля, Героя Украины, нашего земляка Олеся Терентьевича Гончара присвоено в год 90-летия ДНУ и 90-летия Олеся Гончара).

Московское ордена Ленина, ордена Октябрьской революции и ордена Трудового Красного Знамени государственное техническое училище имени Н. Э. Баумана — *Московский государственный технический университет* — *Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана* (2000).

Днепропетровский ордена Трудового Красного Знамени горный институт имени Артёма — *Государственная горная академия Украины* (1996 г.) — *Национальная горная академия Украины* (1998 г.) — *Национальный горный университет* (2002 г.).

Как видим, устойчивая тенденция к сжатию информации и упрощенности синтаксической структуры была характерна для преобладающего числа переименований с 1991 по 2000 годы.

В некоторых вновь образованных наименованиях содержательная структура была усеченной, где атрибуты-детерминанты **государственный** и **национальный** совмещали в себе детерминант локализирующий:

Национальная академия управления (Киев);

Государственная горная академия Украины (Днепропетровск);

Государственная медицинская академия Украины (Днепропетровск).

Речевые образования наименований такой синтаксической конструкции характерны, в частности, для бывших инсти-

тутов города Днепропетровска (медицинский, металлургический, горный институты изменяют свой статус на академию Украины).

Несмотря на синтаксическую и стилистическую приемлемость вышеуказанных переименований, в информативном плане эти конструкции недостаточны, так как здесь отсутствует конкретный локализирующий признак, а имеющиеся в приложении к наименованию сведения указывают на то, что эти **академии** расположены в пределах Украины.

Отдельные вновь образованные вузы принимают семантическую структуру, где, например, локализирующий и профильный атрибуты находятся в нетрадиционном порядке следования определяющих компонентов:

Государственный университет «Львовская политехника»;

Технологический университет Подолья;

Государственная медицинская академия Украины.

Об изменении значений слов в современном русском языке: от бескомпромиссных борцов с классовой несправедливостью к бескомпромиссному качеству товаров

Е. Я. Шмелёва

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

eshkind@mail.ru

Лексическая семантика, сема, оценка, коннотации

Summary. The paper focuses on radical changes in Russian vocabulary at the beginning of XXI century determined by the overall changes in the conceptualization of the world and the system of values and cultural scripts. Russian words (either original or borrowed from other languages) referring to compromise and consumption are losing their pejorative flavor and become markers of new values and attitudes alien to the traditional Russian culture. These changes occur most frequently in the speech of young generation, so we can say that in modern Russian two distinct semantic norms coexist.

1. В работах, посвященных русскому языку конца XX — начала XXI века, неоднократно отмечалось, что в последние два десятилетия мы наблюдаем семантическую эволюцию широкого пласта русской лексики (как исконно русской, так и заимствованной), которая отражает происходящую в обществе переоценку системы ценностей и представлений о приоритетах и жизненных установках. Поскольку у части российского общества представление о герое нашего времени как об *успешном, эффективном, агрессивном и амбициозном человеке* вызывает протест, а для другой его части кажется чем-то само собой разумеющимся (см. [3]), одни и те же слова в речи разных людей могут иметь диаметрально противоположные оценочные пометы. При этом указанные различия ощущаются многими думающими носителями языка и служат источником языковой рефлексии.

Мы проиллюстрируем такое сосуществование «старшей» и «младшей» лексической нормы в современном русском языке на примере группы слов, связанных с идеей поиска компромисса. Само слово *компромисс*, впервые фиксируется в словаре Н. М. Яновского в 1804. Судя по толкованию этого слова в словаре В. И. Даля и по текстам XIX — начала XX вв., *компромисс*, как и его русские аналоги, не содержал в своей семантике оценочных компонентов, ср.: **компромисс** — соглашение, сделка, взаимные уступки; **соглашение** — приведение в согласный порядок; **сделка** — конечный уговор, условие, соглашение; **полюбовная мировая** и **взаимные обязательства по согласию**; **сговор**, переговоры, **договор** о чем, уговор (Даль).

В советское время все слова этой лексико-семантической группы в той или иной степени получили сему отрицательной оценки. В словаре Д. Н. Ушакова у слов *сделка* и *сговор* появились значения с пометой неодобрит., ср.: **сделка** — соглашение, сговор относительно чего-н. (неодобрит.); **сговор** — соглашение в результате переговоров, разговоров (преимущ. неодобрит.). Вместо слов *согласие* и *примирение* в советском идеологическом языке стали употребляться слова *соглашательство* и *примиренчество*, носящие яркую отрицательную окраску. Во многих контекстах приобретало отрицательную окраску и слово *компромисс* (не случайно в словаре Ушакова: дается такой пример употребления слова *компромисс* — *гнилой компромисс*). Напротив того, положительными окрашенными были слова *непримиримость*, *несгибаемость* и *бескомпромиссность* (подробнее о подозрительном отношении к *компромиссам* не только в языке коммунистической идеологии, но и в русской языковой картине мира см. в [2: 411–415]). Хотя в позднее советское вре-

Очевидно, компонент «Львовская политехника» объединяет в себе два детерминанта: указание на место нахождения вуза и на его специализацию.

Следует отметить также, что в справочниках для поступающих в вузы России введен раздел «Духовные вузы», отражающий новые направления в социальной жизни общества. Наименования этих вузов представляют содержательной иной вид номинатов:

Общедоступный православный университет, основанный протоиреем Александром Менем;

Московская пресвитерианская духовная академия;

Библейско-богословский институт святого апостола Андрея и другие.

Приведенные тенденции в современном номинотворчестве отражают объективный процесс формирования и развития высших учебных заведений и позволяют говорить о достаточно глубоко проникновении социального в ткань языка.

мя толкования слов стали менее идеологически нагруженными, отрицательное отношение к людям, готовым идти на компромисс, сохранилось и в словарных толкованиях, и в текстах. Более того, в шестидесятые годы двадцатого века наряду со словами *соглашатель* и *примиренец* в русском языке появилось слово **конъюнктуризм** *разг., презр.* — беспринципный человек, ловко меняющий свое поведение в зависимости от той или иной конъюнктуры (МАС).

2. В последние годы отношение к компромиссу (во многом под влиянием англосаксонских ценностных установок) стало стремительно меняться (см. [1]). Во многих газетных и журнальных статьях и на Интернет-сайтах можно найти рассуждения о пользе компромисса, о необходимости «очистить» от отрицательной оценки такие слова, как *конъюнктуризм* и *соглашатель*. Если еще в конце девяностых годов Вячеслав Глазычев отмечал, что в русском языке отсутствует глагол **компромиссировать*, который мог бы переводить английский глагол *to compromise* (цит. по [2: 413]), то в настоящее время в Интернете можно найти и глагол *компромиссировать*, и имя деятеля *компромиссер* (*просто он имхо компромиссер, он от природы придерживается идеи «зачем драться если можно дружить»*). Как и следовало ожидать, слова *бескомпромиссный* и *несгибаемый* в качестве характеристики человека употребляются в современных текстах крайне редко и, как правило, в иронических контекстах: (*бескомпромиссный и несгибаемый борец с коррупцией* [о Лужкове]). Однако слово *бескомпромиссный* получило в настоящее время новое значение: *бескомпромиссный спортивный автомобиль; бескомпромиссный сервер; бескомпромиссный дизайн; сервис бескомпромиссного качества, бескомпромиссное качество, надежность и долговечность продукции*. Вторичное заимствование из английского языка (*uncompromising quality*) приземленного, вещественного значения слова *бескомпромиссный* привносит в русскую языковую картину мира чуждые ей ценности «общества потребления».

Литература

1. Березович Е. Л. «Отцы и дети» в лексической семантике (о «поколенческих» различиях в значениях слов аксиологической сферы в языке современного города) // Язык современного города. Тезисы докладов международной конференции Восьмые Шмелевские чтения. М., 2008. С. 25–28.
2. Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелёв А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005.
3. Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелёв А. Д. Эволюция ключевых концептов русского языка в XX веке: аспекты изучения // Вестник РГНФ. 2008. № 1. С. 120–127.